

Талантливый коллектив

Когда 20 лет тому назад создание детского кукольного театра было поручено С. Образцову, кое-кто, возможно, недоумевал. До тех пор Образцов был художником, певцом, актером, широко популярным создателем эстрадного жанра, названного им самим «Романсы с куклами». Но, — думали, вероятно, иные, — причем же тут дети? И что принесет детям Образцов — такой острый мастер иронического, даже гротесково-сатирического искусства для взрослых?

Были, правда, в прежнем репертуаре Образцова отдельные номера, говорившие о наличии на его художественной палитре и других красок, о присущих его творческому голосу других тонов и регистрах, в частности о свойственной Образцову и тогда струе чистой, благородно-человечной лирики. Об этом говорил созданный уже тогда Образцовым замечательный «Тяпа». В этой коротенькой сценке отец Образцов ублаживал колыбельной песней Мусоргского своего сынишку Тяпу, которого изображала налетая на руку кукла, тряпчатка с головкой. И так велико было создаваемое Образцовым излучение нежности к ребенку — маленькому завтрашнему человечку, — что зрители сжались, замерев, боясь скрипом стула или вздохом разбудить жеманящую куклу!

Все же от жглой эстрадной колыбельной до создания театра для детей было, казалось, очень далеко. Однако то, кто знал Образцова, как художника и человека, верили в него. Верили, что ему по плечу любое дело, которое он, полюбив, сделает своим делом.

Сегодня, 20 лет спустя, мы можем сказать, что созданный Образцовым Центральный театр кукол ныне один из лучших детских театров в стране.

Это потому, что Образцов, придя в детскому зрителю, правильно понял его и нашел с ним общий язык. В противоположность иным деятелям тогдашнего детского театра, Образцов никогда не вносил в понятие «детский зритель» моментов ограничительного свойства: у детей-де мало знаний и жизненного опыта, их эмоции ярки, но непостоянны, а внимание фиксируется туго и нестойко. Те детские театры, которые так понимали своего зрителя, считали, что его нужно нагружать «познавательностью» и подавлять «идеальностью». Что же касается художественного качества спектаклей, адресуемых детям, то такие театры считали, что детей по неукосности их можно потчевать тем, что не съедобно для взрослых, обманывая детей дешевыми эффектами.

Образцов видел и видит в своих зрителях будущих создателей, творцов и героев. Сегодня они читают с заинтересованностью с олимпиадами, считают не бойко, а завтра перед ними расстелются неблизкие пути, и кто знает, что внесет завтра этот ребенок в мировую культуру! И это завтра, — то, которое надо растить сегодня, — это и любит Образцов в своем зрителе. Этому зрителю он и стремится дать не тот спектакль, который неадекватно хорош для взрослых, а тот, который так прекрасен, прозрачен и глубоко, по-советски человечен, что его не стыдно показывать даже детям.

Первое и главное, на что обращено внимание Образцова, — это идейный смысл спектакля. Образцов не признает спектакля только развлекательного, лишнего широкого кинематографического дыхания. Вспомним один из ранних спектаклей Центрального театра кукол — «Волшебную галашу» (автор пьесы Г. Матвеев). Уже окончили вузы те маленькие зрители, которые на премьере отвечали смехом на телефонный разговор Фидла с Сорокой: «Алло! Липовая АТС? Дайте 3 шипши 2 сучка!». Уже стал анахронизмом такой разговор, — ведь теперь мы сами избираем нужных нам номер телефона, — а спектакль этот живет, потому что живет и продолжает волновать зрителя его тема: быть храбрыми — в нашей власти, это зависит от нас самих.

Образцов расширял круг адресов, в какие направляется кукольный спектакль. Начав со спектаклей для младших школьников, он стал постепенно осваивать и

тематику старшего возраста, — так были созданы спектакли «Волшебная лампа Аладина», «Король Олень», «Ночь перед рождеством» и др. И тогда оказалось, что булга, царством которой является почитаемая область гротеска, карикатуры, уродливого и смешного, может перелазить тонкие оттенки самых высоких чувств, может волновать и трогать. Вспомним, какое очарование излучает принцесса Булур в «Волшебной лампе», как благородно мужествен Аладин.

Наряду с этим Образцов начал утомные поиски — едина ли не труднейшего из всех — спектакля для самых маленьких, для дошкольников. Здесь ему пришлось преодолеть ошибочное представление, будто этот зритель — самый легкий: показывать ему волшебные сказки, и все в порядке. Те, кто так думает, часто забывают мудрые слова А. П. Чехова, сказанные применительно к литературе, о том, что литература, как и медицина, одна для всех возрастов, разница только в дозе назначаемых лекарств. Между тем нигде так варварски не нарушалась, — а порой и сейчас продолжает нарушаться, — доза приемлемого и доступного для самых маленьких зрителей, как именно в этих сказочных спектаклях. Малыш часто высидит 2½ часа в обществе страшных чудовищ, ведем, очеловеченных эвреев, непонятных по своей внешности королей («Почему он олет, как женщина? Почему у него на голове кастрюля?» — спрашивают малыши про королевское платье и корону). Дети 4—5—6 лет переживают порой чрезмерные волнения за судьбу героев, которых вот-вот сожрет Волк или подручные Бабы-Яги, черти, затолкают в пылающую печь. Все сказочные чудеса, нормальные для школьников, часто оказываются чрезмерной нагрузкой для «дошколят». После много из таких спектаклей они уходят красивые, потные, явно измученные впечатлениями.

В Центральном театре кукол создан для малышей ряд спектаклей, где сочетание чистой прозрачности содержания с ясным и понятным зрелищным зерном составляет точную возрастную дозу. Таковы «Веселые мелюзга» (автор пьесы М. Подвинова), «Заяц и Еж» (автор Г. Заняв) и др. Не следует думать, будто это спектакли пониженного художественного качества, — нет, они сделаны с тем же мастерством, с той же творческой страстью, что и спектакли для более старших зрителей. Спектакль «Веселые мелюзга», где достигнута подлинная мера «детскости» для самого маленького зрителя, так же дорог Образцову и всему коллективу, так же тщательно и непререкаемо шлифуется, совершенствуется, как и спектакли для взрослых. Артистка Е. Синельникова создает образ одного из медвежат так же пленительно-увлеченно, как и образ принцессы Булур в «Аладина».

В заключение хочется высказать пожелание, на первый взгляд, может быть, несколько неожиданное: чтобы время от времени Центральный театр кукол открывал перед своими зрителями спектакли не такими, какими они видны из зрительного зала, а, так сказать, — с изнанки, по ту сторону театральной лирики. Зрители увидели бы тогда весь великолепный творческий коллектив, воспитанный С. В. Образцовым, — тех талантливых актеров, которых не видно из-за лирики.

Зрители увидели бы, как сложно и трудно создается легкое и веселое чудеса, например, один только зевот льва в «Аладина» делается совместными усилиями трех актеров, а в «Ночи перед рождеством» глотание галашек Падюком создано одновременно пятью актерами!

Зритель увидел бы изобретательность художников театра и тот гигантский труд, какой вкладывает в создание каждого спектакля сам С. Образцов и какого он по праву требует от своих соратников по театру. И зрелище этого горячего, страстного творческого труда выглядело бы, как полезный, интересный урок, в воспитательную работу Центрального театра кукол.

Александра БРУШТЕЙН.